

ПАНТЕОН

ИВАН КОРСАК

Темляков
Орлык

Иван Корсак
Гетманич Орлик

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Корсак И.

Гетманич Орлик / И. Корсак — «ЛитРес: Самиздат», 2008

«Гетманич Орлик» - книга про унікальну людину. Хто він? Дипломат? Розвідник? Підпільний маршал Франції? Один з найінтелектуальніших людей тодішньої Європи, з яким однаково цікаво було спілкуватися як Вольтеру, так і Ієрусалимському патріарху.

Иван КОРСАК

СЫН ГЕТМАНА ОРЛИКА

Художественно-документальная повесть

Вероятно, только история Украины богата примерами, когда на человека, который боролся за свободу своего края, наклеивали отрицательный ярлык.

Именно об одном из них – Григории (Григоре) Орлике (по советской терминологии, «предателя, агента панской Польши и шведского короля») - речь идет в художественно-документальной повести украинского писателя Ивана Корсака.

Кто же он, Григорий Орлик? Дипломат? Разведчик? Наследник дела отца, дела независимости Украины? Один из проосвещеннейших людей тогдашней Европы, с которым одинаково интересно общаться Вольтеру и иерусалимскому патриарху? Человек, который через вражескую территорию проводит к престолу польского короля Станислава Лещинского? Генерал и полевой маршал Франции?

И первое, и второе, и третье...

Этим изданием полиграфо-издательский дом «Твердыня» начинает новую серию историко-познавательных книг «Пантеон».

2

Украинский рыцарь. Взгляд сквозь столетия

Винниченко писал, что историю Украины невозможно читать без брома.

А все потому, что бытует давняя традиция рассматривать ее как историю поражений. Эта традиция настолько укоренилась, что даже после того, как Украина обрела независимость, взгляд нашего общества на собственную историю почти не изменился. Хотя совершенно очевидно, что во все предыдущие времена украинский народ если и имел право на отдельную, скажем так, биографию, то лишь в контексте Российской империи. С позиций империи эта биография толковалась и подправлялась. И сейчас официальной историей Украины так и остается версия имперских писак – история насквозь выхолощенная и сфальсифицированная. Поэтому не удивительно, что и на пятнадцатом году независимости гетман Мазепа, воины УПА и много других известных и неизвестных героев освободительной борьбы считаются предателями, а значит, и врагами Украины.

История Украины нуждается в серьезной ревизии – пересмотра и переосмысления с национальных позиций. Нужно расставить акценты, отыскать в прошлом те точки, которые могли бы быть опорами для настоящего и будущего нашей страны. Все наши предыдущие поражения должны стать такой же крепкой опорой, как и победы. Для примера возьмем Японию. Через десять дней после капитуляции (1945 г.) японская газета «Иомиури Хоты» провозгласила «Начало Нового искусства и Новой культуры»: «В наших сердцах должно оставаться твердое убеждение, что военное поражение не имеет отношения к ценностям национальной культуры. Военное поражение должно служить побудительным стимулом, ... (поскольку) японскому народу понадобилось по крайней мере пережить национальную катастрофу, чтобы воистину обратить свой взгляд на мир, объективно увидеть вещи такими, какими они есть на самом деле». И это учитывая то, что Япония вела войну, чтобы установить мировую иерархию стран и возглавить ее. Претензии и амбиции – огромные. Казалось бы, они должны были потерпеть полнейший

крах. Однако свое поражение японцы сразу же превратили в стартовую площадку для дальнейших свершений; претензии пересмотрели, а амбиции направили в новое русло. Итак, дело не в победах и не в поражениях. Можно талантливо использовать собственное поражение и можно бездарно провалить победу. За примерами далеко ходить не надо. Все зависит от самоуважения и самоконтроля. От иерархии ценностей и приоритетов. И не нужно ничего выдумывать: в истории нашего народа есть все, что следует взять на вооружение, что может лечь в основу развития нации и государства. Надо только объективно видеть вещи такими, какими они есть на самом деле. Книга, которую читатель держит в руках, трепетным лучиком освещает из тьмы столетий фигуру Григория (Григора) Орлика – сына гетмана Филиппа Орлика, автора первой украинской конституции. Григорий Орлик – украинец, которого ныне, возможно, больше знают и ценят в Франции, чем на Родине. Не буду становиться впереди автора и не буду пересказывать то, что читатель сможет узнать из дальнейших страниц. Думаю, совсем не случайно Иван

3

Корсак избрал Григория Орлика героем своей повести. По двум причинам. Во-первых, Григорий Орлик – чрезвычайно яркий представитель украинского рыцарства, его судьба и биография не могут не вызвать увлечения, он воплощает в себе образ украинца, достойного стать образцом для многих. Во-вторых, Иван Корсак и сам неординарная личность: журналист, издатель и редактор популярной газеты «Семья и дом. Народная трибуна», писатель, общественный деятель. Повестью о Григории Орлике он не просто пополняет свой творческий задел, а и укрепляет еще одну ступень на пути духовного усовершенствования – путь, который надлежит постичь каждому индивиду, а затем и нации вообще. История – это действие масс, однако вехами в истории всегда будут выдающиеся личности.

Великий японский воин XVIII столетия Такамори Сайга говорил: «Есть два вида возможностей: одна – на которую мы полагаемся, вторая – которую мы создаем. Попав в затруднительное положение, нельзя прозевать шанса создать себе возможность». Мы не должны полагаться на возможности. Мы должны создавать их для себя – только тогда нам удастся развиваться духовно и достигать материальных благ, только тогда Украина сможет стать страной, мнение которой будут учитывать в мире. Во всех других случаях путь и усилия украинцев так и будут оставаться путем и усилиями Сизифа.

Василий СЛАПЧУК,

лауреат Национальной премии Украины имени Тараса Шевченко

4

Слово к читателю

Эту книгу я начинал писать как обычную повесть. Но чем больше вникал в детали, чем глубже погружался в водоворот документалистики, тем больше допекали сомнения – простая повесть об этом весьма неординарном человеке, о ее друзьях и собратях будет грехом.

Судьба Григория (Григора) Орлика, сына автора первой украинской (и европейской) конституции, поразительно уникальна. Нет надобности выдумывать сногшибательные сюжеты – их больше чем достаточно на жизненных путях неутомимого гетманского сына. Как и нет надобности выдумывать невероятно трудные, весьма многочисленные и, к величайшему сожалению, трагические преграды на пути к независимости от кого бы то ни

было нашей земли.

Кто он? Дипломат? Разведчик? Наследник дела отца, дела независимости Украины? Один из просвещеннейших людей тогдашней Европы, с которым одинаково интересно общаться Вольтеру и Иерусалимскому патриарху? Человек, который через вражескую территорию проводит к престолу польского короля Станислава Лещинского? Генерал и полевой маршал Франции?

И первое, и второе, и третье... Современники в конце концов имеют возможность докапываться к собственным пражкам, снимать копоть и грязные наслоения с фресок-портретов настоящих героев своей земли. Лучик исторической истины до сих пор выхватывал из столетней тьмы лишь самые выдающиеся фигуры. Тем не менее лучик этот бежит дальше и начинает освещать следующий ряд... Мы с удивлением хватаемся за голову: люди добрые, да это отнюдь не «второй эшелон», это же перворядные фигуры европейского масштаба! Именно к ним, без сомнения, принадлежит Григорий - сын Филиппа Орлика.

Исторический лучик неизбежно выхватит и горькие, и трагические картины Украины того времени. И здесь, как правило, подают голос те, кто неестественно громко взывает о защите на Украине «русского языка, русской истории и прав русскоязычного населения».

В самом деле, русская культура, в широчайшем понимании, нуждается в заботливом отношении, требует защиты добрый, трудолюбивый и чрезвычайно талантливый русский народ. Прежде всего защиты от русского каннибальского шовинизма, от определенной части политической элиты, а на самом деле – от непротрезвившегося и вечно завистливого босяка и подзаборника, который загадил огромные территории своей страны, однако все же дрожащей с перепоя рукой жадно тянется к чужой; того голодранца, который с упрямством, достойным лучшего применения, изо всех сил тщится перессорить россиянина с эстонцем и латышом, литовцем и украинцем, грузином и молдаванином (иногда, к сожалению, ему так это удается). Слава Богу, этот угоревший босяк не принадлежит к чтимой в мире России – России от Герцена и Рылеева до России Сахарова. Он грубо и беспардонно плутует, когда, похищенную у народа, цепляет на собственную грудь надпись

5

«россиянин». И это надо четко понимать и отделять, иначе тень незаслуженно будет падать на весь народ.

Самый заклятый враг России не способен так чернить русский народ, как это делает определенная часть верхушки, точнее шовинистическая часть политической элиты. Ибо грязь ее, хотя и неправомочно, механически переносится и искажает впечатление обо всем народе. Достаточно процитировать классика русской литературы Дмитрия Мережковского («Христос и Антихрист»): «Проклятая страна, проклятый народ! Вонь, кровь и грязь. Трудно решить, чего больше. Кажется, грязи. Хорошо сказал датский король: «Ежели московские послы снова будут ко мне, построю для них свиной хлев, ибо где они посядут, там полгода жить никто не может без смрада». По определению одного француза: «Московит – человек Платона, животное без перьев, у которого есть все, что свойственно природе человека, кроме чистоты и разума». И эти смрадные дикари, крещенные медведи, которые становятся из страшных жалкими, превращаясь в европейских обезьян, себя одних считают

людьми, а всех остальных скотами!»

Помыть свои кирзовые сапоги в Индийском океане или на крымском побережье Украины – разве это прихоть простого россиянина? Вместе с тем помним, что это не сегодняшняя выдумка русских клоунов-лжегосударственников, «сыновей юриста», – именно о завоевании Индии мечтал Петр I (попутно захватив Китай). И может, и помыл бы те грязные сапоги, если бы не сгнил живьем от сифилиса... Можно себе лишь представить!

Отец и сын Орлики, их собратья – первая большая волна украинской политической эмиграции. Именно о первопричинах ее возникновения ее идет речь в последующих строках. Иногда это можно сделать лишь фрагментарно, так как весьма много еще «белых пятен» в истории того времени и судьбах этих мужественных людей. Борясь за волю Украины, они вместе с тем боролись за свободу других народов, в частности и русского, воистину «За вашу и нашу свободу!»

Прошли столетия, немало убежало воды в Днепре и Висле, Рейне и Сене. Сегодня непросто воссоздать, легко или тяжело шел разговор Григория Орлика с канцлером Франции кардиналом Флере, когда сын гетмана добивался поддержки Версалем борьбы за украинскую волю. Но уцелевшие свидетельства, документы и описания надо как можно тщательнее сохранить и популяризировать.

За вашу и нашу свободу!

***

6

Неравный поединок

В палате Посольства России в Саксонии заканчивался обед. Яства, а особенно напитки, от которых мягкими розовыми пятнами взялось обыкновенно бледное лицо князя Долгорукова, казалось, ничуть не уменьшили и не ублажили его сегодняшнего раздражения. Князь изредка бросал недовольный взгляд на Дмитриева, своего подчиненного в посольстве, бросал этот взгляд, как бросают раздраженно ненужную вещь, и лишь изредка переводил глаза на графа Щекина, здешнего школяра, будто проверяя себя, достаточно ли пренебрежительно отверг он эту вещь – ненужную и надоевшую.

– Будьте добры доложить: за что вас как начальника разведки государь-император хлебом кормит? Почему я ничего не знаю о приеме Карлом XII молодого Орлика? Какого это рожна малолетки заинтересовали короля?

Ваша светлость, – обиженно моргнул Дмитриев, хотя в глазах его промелькнула и тихонько затаилась злость. – Мне доложили, что это не короля интересовали юные прохиндеи, а сын Филиппа Орлика приходил к Карлу за отцовскими деньгами. Должок-с забирать. Это кроме тех огромных денег, которые Карл задолжал еще племяннику Мазепы Войнаровскому.

– Ну-ну-у-у, – изумленно протянул князь. – И что же, неприятельский король не надавал юнцу подзатыльников и не выставил за порог? Сиречь, медведь в лесу дуба дал, ведь швед не любит расставаться с деньгами, особенно когда их хоть шаром покати...

– Шестьдесят тысяч талеров, взятых в долг у Войска Запорожского, Карл не отдал до сих пор...

– Да знаю, но о чем он стал говорить с молодым Орликом?

– И не только стал. Карл был очарован безупречной латынью юнца и его

манерами. Докладывают, что неприятельский король весьма благосклонно отнесся к нему, частями возвращает долг, а самого Григория берет на государственную службу.

– М-м-м, за эти деньги Орлики изрядно напакостят государю да и всем нам... А вы еще и дружите с этим негодяем, – резко повернул голову в сторону графа Щекина.

– Ваша светлость, побойтесь Бога, – вздрогнул Щекин. – Да я виделся с ним случайно, может, раза два, на приеме у курфюрста...

– Не говорите, не говорите, молодой человек. Потомок старинного русского дворянского рода вместо помощи государю-императору водится с его заклятым врагом.

– Какая еще от меня помощь... Я школяр, я буду служить государю и Отчизне, когда выучусь.

– Не могу согласиться, граф. Один своевременный донос может стоить многих тысяч червонцев и не одной сотни солдат. Вы же не простолюдин и общаетесь не с простонародьем. А вам, господин Димитриев, от лица государя приказываю пристально следить за обоими Орликами. Кстати, когда и как неприятельский король будет отдавать деньги запорожских казаков?

7

– Мои ищейки извещают, что состоится это в конце ноября в Гамбурге, в городском банке.

– Государь – человек большой души. Его императорская милость в свое время подарила семье Орликов амнистию, но изменник и христопродавец отклонил протянутую руку с хлебом. По этой причине император повелел генерал-прокурору изловить гетмана-предателя и доставить его в Россию, в ведение Тайного приказа.

– А если ... при этом ... случайно? – провел пальцами по шее Димитриев, как будто бы брился.

– Живым бы хотелось... Правда, смерть – не самая страшная кара для клятвопреступника русского престола. И вы, граф Щекин, хорошенько пошевелите мозгами, как и чем можете нам здесь помочь.

Граф, криво усмехнувшись, лишь устало махнул рукой.

– Ваша светлость, за двумя зайцами не погонишься, за двумя соколами не полетишь... Я школяр, я мечтаю послушать Вольтера. А царю и Отчизне верно буду служить после учебы.

Лицо Долгорукова еще более омрачилось:

– И еще одно заметьте, Димитриев. Когда шпики ваши будут брать Орликов возле банка, то выглядеть это должно как обычный грабеж. А то Волков доносит вон государю из Парижа, что там держат нас за дикарей, которые неистово жаждут малороссийской крови.

– Ваша светлость, – отложил ложку Щекин. – А нельзя ли с Орликами как-то иначе? Может, договориться каким-то образом... Святое Писание учит: «Не убий»...

– Переучился ты, граф, еще не доучившись. Государь даровал Орликам высочайшую ласку – жизнь. Дважды такого не дарят.

***

8

Прощались отец с сыном...

– Присядем, по обычаю предков, на дорожку, – сказал отец, и голос его

почему-то едва заметно надломился.

Через минуту, когда все уселись между кованых сундуков, узлов и свертков, отец поднялся первым.

– Я, Филипп Орлик, гетман Украины, не завещаю тебе, сын Григорий, богатых поместий. Поскольку их просто нет: они разграблены, как и вся наша земля. А завещаю я тебе непростое и неблагодарное наследство – победу за наши вольности, за неподчиненность никому нашей отчизны. Ты – мои глаза и уши здесь, в Дрездене, при других европейских дворах. Ум и знания, приобретенные в здешних университетах, подскажут, как действовать. Я же поеду поднимать Порту и Крымское Ханство нам на подмогу.

– Отец, зачем так печально, – вдруг рассмеялся Григорий. – Довольно тебе за упокой, будто навсегда прощаемся.

– А ты будто рад разлуке, и вдобавок невесть на какие года, – обиделся отец. – Да и увидимся ли еще...

– Я не согласен, отец, что якобы оставляете мне неблагодарное наследство, – стоял на своем Григорий. – Это прекрасное наследство, достойное настоящего козака. И принимаю его не как жертвенный ягненок, немощный и испуганный, которого ведут на убой. На такое дело надо идти весело, не нюни распускать, а засучить рукава... Хотя понимаю: неблизкая это дорога.

– То-то же, – повеселел отец. – А еще оставляю с тобой Карпа – славного козарлюгу. Будет он тебе и за охранника, и за товарища-собрата. Не подведет он, как никогда не подвел его отец, с которым немало дорог истоптали.

– Таки не подведу, гетман, – наклонил голову юноша.

– Легкой жизни, Григорий, не ищи, – продолжал Филипп Орлик. – Дело не только в том, что не оставляю тебе достатков...

– Отец, не надо об этом, – не сдержался сын. – За время штудий в Лунденскому университете, где учились дети из богатых королевских семей и самых знатных европейских домов, я медяка лишнего не попросил. Хотя соблазнов хватало, поверите, думаю, какие привычки и наклонности у таких школяров...

– Знаю, верю, ценю, – в такт каждому слову кивал головой отец. – Но и мне с мамой, братьями и сестрами твоими жилось не шибко вольготно. Я никогда тебе об этом не говорил, не хотел класть камень на душу, ведь у студента должны бы иметь место другие мысли. Поначалу судьба носа не воротила: 23 января 1711-года го я с выгодой заключил союзнический договор с Крымом, специальной привилегией Турция признала тогда же мою власть как единого гетмана Правобережья и Запорожья, заключили соглашения с донскими казаками, даже с казанскими татарами и башкирами, так как гнет московский для них тоже был не по силам. А как выступил освобождать Украину, то написал письмо Ивану Скоропадскому, поставленному царем гетманом Левобережья: «Если вас останавливает нынешний мой титул,

9

который ношу, то не сомневайтесь, я уступлю его вам, как старейшине, надеясь, что и вы не пожелаете меня потерять». И страх взял Скоропадского, посылал воевать своих против своих же... Один за одним мы освобождали города и села, и народ встречал нас хлебом и солью. Наши невзгоды вызваны ошибками Турции, бесчинствами татар, и, конечно, свирепствованием Петр I устроил народ. Не удалось тогда на козацкую землю принести нам волю... А

когда переехали мы с семьей в Стокгольм, то разве нам легче жилось? Поверишь, были времена, когда ни хлеба, ни дров, ни свечек. За долги ростовщикам закладывал штандарты, перстень обручальный и даже крест золотой нателный. Я не стал судиться из-за наследства Мазепы, а свое, все что имел, – для общего блага...

– Отец, я все знал, мне сестры по секрету рассказали...

– И еще, Григорий. Пойдешь на службу военную к саксонцам – их канцлер Флеминг нам помогает. Для тебя уже выписаны документы как лейтенанту конного гвардейского полка.

И уже садясь в карету:

– Береги мать и сестер... Их, кроме тебя, некому на чужбине защитить. Кони рванули с места в неизвестные и неблизкие южные края.

***

10

Конец ноября 1720 года. Из Гамбургского городского банка выходит молодой мужчина в богатом козацком однострое и двое слуг-козаков с немалым свертком. Они направляются к роскошному фаэтону, как вдруг нищий, сидевший на углу улицы, пронзительно свистнул. И, будто из-под земли, из боковых улочек повыныривали и кинулись к экипажу десятка полтора таких же нищих и подзаборников в лохмотьях. Козак и его слуги выхватили сабли. Странное дело, но сабли и шпаги блеснули также и в руках нищих, и на ступенях банка вмиг завязалась сеча.

Внезапно из роскошного фаэтона, словно из сказочной перчатки, стали выпрыгивать друг за другом еще козаки и налетели на ватагу подзаборников, хотевших, видимо, поживиться свертком из банка. Немного поодаль за стычкой из тихо проезжавшего другого фаэтона будто бы случайным свидетелем наблюдал посольский Димитриев.

Поначалу, пользуясь внезапностью и на удивление профессионально орудуя шпагами и саблями, нищие окружили козаков со свертком. Однако вскоре свежие козацкие силы из «перчатки» начали теснить ватагу подзаборников.

В суматохе вооруженной стычки с головы молодого мужчины в богатом козацком однострое слетела шапка, и Димитриев изумленно поднял брови.

– Сто чертей! Это не Орлик! Или то невероятное совпадение, или нас попросту кто-то продал!

Снова прозвучал пронзительный свист, и вся шайка нищих бросилась врассыпную. Через минуту на площади остались только нищенские лохмотья и воробьи, которые прыгали и чирикали, радуясь случайному зерну.

Фаэтон-«перчатка» в свою очередь исчез за ближайшим поворотом.

А через некоторое время у банка остановилась скромная бричка. Ее хозяин и молодой козачок поднялись по ступеням. В дверях их встречал солидного вида банкир.

– Господин, золото Карла Великого, как приказано, ждет вас.

Григорий Орлик ответил легким поклоном.

***

11

Граф Щекин в гостях у Григория Орлика. Помещение средней руки, не богатое и не бедное. Разве что козацкие сабли и штандарты, развешанные на стенах, свидетельствуют о высоком положении хозяина.

Щекин мрачный, не веселит даже вино.

– Вы, Григорий, известного рода не только на Украине, но и в Вене. И когда император Петр I объявляет амнистию вашему отцу, вам и всей семье, то, по моему разумению, ему можно верить.

– Ой, граф... Вы предлагаете мне судьбу Андрея Войнаровского? Низжайше благодарю.

– Это племянника Мазепы?

– Именно так. Может, вы не знаете... Его похитили агенты Ягужинского и без шума доставили в Тайный приказ князя Ромодановского. Пусть Господь облегчит его мучения после всех истязаний. Как и прозябание в «солнечной» Якутии, откуда он выйдет, я уверен, лишь вперед ногами.

– Войнаровским гарантии не предоставлялись...

– Это вы просто не знаете. На самом деле предоставлялись. Как и лицемерные гарантии и прощение несуществующих грехов, которые Петр I давал собственному сыну, коварством выманивая его из заграницы.

– Ходили слухи. Но слухи – еще далеко не факт.

– Факт – убиенный сын. Доконали его по приказу родного отца Толстой, Бутурлин, Румянцев и Ушаков – удавили подушками. Один Шереметьев схитрил, не захотел брать на себя невинную кровь и притворился болезным. Другие сведущие люди твердили, что отец вообще собственными руками убил сына. Однако никто из близких или очевидцев не сомневается, что этот грех на его душе.

– Бог всем судья...

– А кто судья отцу? 26 июня царевича убили, и царю некогда было в течение пяти суток похоронить сына, тело которого из застенка Петропавловской крепости перенесли в церковь Святой Троицы. Сын в гробу, а отец тем временем на следующий день шумно празднует годовщину Полтавской битвы. Потом были именины, спуск корабля, фейерверки, гульбища, попойки, банкеты... И это не рассказы литераторов – это печальная историческая правда. Вы этому человеку прикажете верить?

– Христос всем прощал... А еще – приказывал молиться за врагов наших.

– Надо молиться... Но я не знаю слов, которые могли бы изменить этого человека. Как и не ведаю, за какие-такие грехи Бог покарал россиян таким извергом. Ведь именно Петр I установил на Руси рабство, продажу людей, словно скотину. .

– Будем милосердными...

– Вот-вот, за милосердие. Согласно новому указу Петра-императора, тому, кто подаст милостыню, – штраф 5 рублей. И это тоже не рассказы, граф.

– И все же...

– Разрушенные храмы, колокола – на пушки, женские монастыри – на швейные мастерские...

12

– Может, покается мужчина, исповедается.

– Хорошо, что напомнили об исповеди и ее тайне. Император приказал всем священникам о рассказанном на исповеди доносить в Преображенский приказ.

Граф будто озяб – вздрогнул, передернул плечами и, чуть погодя, лишь наклонил голову.

– В ваших словах, мне думается, много личной обиды. Однако отрицать

их не могу: немало печальных вестей доходит до меня от других людей. Мне стыдно за свою отчизну, но я все равно люблю ее. И грущу по ней...

13

Плыла распятая Украина...

Разбитыми осенней распутицей дорогами, больше окольными путями, нежели большим трактом, пробирался Филипп Орлик через Речь Посполитую в Молдавию искать поддержки у турецкого султана. Ехали преимущественно по ночам, осторожно вглядываясь в загустелую темень и думая: то замерцали огоньки какого-то жилья или блеснули злые волчьи глаза? А когда, бывало, храпели напуганные кони, почуяв хищный волчий дух, то большей частью радовались, нежели боялись. От хищной стаи мужчины при оружии как-то дадут себе совет. Куда хуже дело с московскими разъездами, которые рыскали, охотясь на мятежного гетмана, многими путями.

А Григорий проходил саксонскую муштру, старательно маршировал заботливо вымощенными плацами и грыз военные наставления. Это давалось ему легко и казалось почти игрушкой после Лунденского университета, где Григорий проходил курс у профессора Регелиуса вместе с детьми благороднейших родов королевства. Муштра тоже не казалась страшной и непривычной. Еще тринадцатилетним Карл XII зачислил мальчика фенрихом в свою гвардию, где Орлик даже успел пройти боевое крещение во время обороны крепости Штральзунд.

...Натруженные кони лесами и перелесками, большей частью объездными раскисшими дорогами тяжело тянули бричку, ехали в неблизкую Молдавию днем, а еще чаще – глухой ночью, при погоде и в промозглую дождевую пору. А когда где-то на горизонте полыхали молнии, то казались гетману эти далекие сполохи заревами – мнилось ему, что это горит Украина... Писали Филиппу собратья из Глухова, а потом из Запорожской Сечи, что творилось на Украине. Батурин бы выстоял, если бы не коварная измена Ивана Носа из Прилукского полка. Едва Орлик смыкал вежды, как перед глазами снова вспыхивало пламя. Оно, безжалостное и неистовое, охватило весь город, и среди тех огненных сполохов метались люди. Смерть шла с Востока, и на прю против нее рядом с седовласыми полковниками встали женщины и дети. Бок о бок с выдавшими виды козаками, чьи сабли выщербили немало турецких, крымских, московских (разве только?) сабель, отстаивал свое право на жизнь священник с дочуркой...

И силы были уже неравные. Старшину вывезли к Глухову, и палач со стеклянными глазами, с равнодушием и скукой утомленного живодера делал свое дело.

Других же защитников города ждала невиданная доселе смерть. На берегах Сейма днем и ночью стучали московские молотки, на скорую сбивались плоты и устанавливались на них кресты и виселицы. Филипп Орлик знал много языков, его пальцы перелистали не одну тысячу страниц книг разных времен и народов, но о таком пришлось читать впервые. Вниз по течению Сейма плыли плоты с повешенными на них украинскими защитниками Батурина (они счастливее, ведь их земные мучения с последним предсмертным вздохом облегчения закончились), плыли плоты с распятыми

14

на крестах живыми еще людьми, и никто под угрозой смерти не имел права их снять. Не верить письмам собратьев Филипп Орлик не мог. Лично перечитывал

тот всеевропейский ужас, который выплескивался на страницы «Gazette de France» («Французская газета»), «Lettres historigness» («Исторические листки»), гаагской «La Clef du Cabinet» («Ключ кабинета»). «Вся Украина купается в крови, Меншиков сполна ударился в московское варварство», «Не взирая на возраст и пол, все жители Батурина вырезаны, как велят нелюдские обычаи москалей», «Женщины и дети на остриях сабель» – мерцали перед глазами у Орлика черные, невероятные для любого обычного человека строки. «А я удивлялся, почему еще в 1620 году датский ученый Иоанн Ботвид защищал в Упсальской академии диссертацию «Христиане ли московиты», – брличку гетмана бросало на ухабистой лесной дороге и корневищах, и в такт качались черные, как поздняя осенняя ночь, мысли, наливались свинцом виски. От этих дум холодело тело, а еще больше коченела душа. «Никто не знает, сколько народу нашего погибло. Одни пишут 6 000, другие насчитывают и 15 000. Один Бог ведает, сколько, приютит всех невинно убиенных в мире праведных...»

Тихо плескалась речная волна в края плотов, покачивались в такт повешенные батуринцы и медленно поворачивались на ветру, будто в последний раз прощально озирались на поля, которые будут колоситься урожаем уже без них, и тополя, которые без них будут шуметь. Страдающий взгляд живых, из которых капля за каплей истекала последняя кровь... Из водной Голгофы этот взгляд был преимущественно направлен в бездонное небо, в ту синюю вечность, где царит незыблемый покой и нет чужацкой несправедливости и боли, – страдающий взгляд поверх вымерших сел, от ужаса присмиривших в поминальной молитве.

Эти села вдоль реки мертвыми были лишь на первый взгляд. Но завтра им придется умирать на самом деле, так как действующей оставалась инструкция Петра I своим войскам – все равно, то ли это повстанцы Булавина, то ли украинский беспокойный люд: «Городки и деревни жечь без остатку, а людей рубить, а заводчиков на колеса и колья, дабы тем удобнее оторвать охоту к приставању к воровству людей, ибо сия сарынь кроме жесточи, не может унята быть».

Гетман тем временем по ухабистым дорогам одолевал версту за верстой. Тяжело шли кони, и казалось Филиппу Орлику, что это не такая уж большая кладь из его нехитрых пожитков, что это трудно им тянуть его тяжелые думы, навеянные письмами из родных краев.

В покоях графа Щекина за пышным самоваром, который сверкал тщательно начищенными боками, Григорий лишь улыбался – так живо хозяин жестикулировал.

– Ваша Светлость, только соберемся – как сразу в спор.

15

– Хорошо хоть не ссоримся... А что касается упорного нежелания козаков жить с Россией, то я не могу втемашить себе в голову, почему. Соседи вокруг только и высматривают, как бы кусок земли себе урвать, поэтому вместе легче обороняться. А для купцов какая это благодать – одна страна... Пошлины не платить, от разбойника всякого обезопаситься.

– Ваша Светлость, если бы купцы с Украины вас слышали, худо быам пришлось. Ибо до сих пор они оживленно торговали с Европой зерном, солью, скотиной, медом. До сих пор... А теперь ваш император такой пошлиной их обложил, что впору волком выть.

– Но ведь торгуют. И здесь в Саксонии тоже – сам несколько дней назад разговаривал с купцами из Белой Церкви.
Может быть, последними... Ибо теперь товар Из Украины можно везти на Запад только через Архангельск. Ригу или Петербург. А русских купцов специально переселяют на Украину, освобождают от налогов. Знаете, до чего дошло? Чтобы продать товар, украинский купец вынужден брать «липового» перевозчика-россиянина, платить ему немалый куш только за то, что он россиянин. Не ведаю, как через много лет будут называть такую сделку, но сегодня для нашего купца это погибель. После такого грабежа кто же вас будет любить, граф?

– Перемелется – мука будет. Это лишь начало, а поначалу часто шишки набивают. Зато со временем будем иметь объединенную купеческую силу.

– А со временем – еще грустнее... Товарный поток – это не кукла, которой можно круть-верть. Развернутые в противоположном к общепринятому направлению, восточнее, в татаро-монгольское болото, они могут барахтаться там много веков. И Бог весть, когда выберутся.

Щекин так отрицательно покрутил головой, будто старался стряхнуть капли воды с мокрого чуба.

– Ну и не любите русских купцов... А я вот уважаю ученых мужей из Украины, – граф взялся перебирать одну за одной книжки на полке. – Вот грамматика Смотрицкого, вот прекрасная книга по истории Гизеля...

– И слава Богу, что хоть это помните. А то кое-кто позабыл, что первую в Москве Славяно-греко-латинскую академию основали почти в полном составе выходцы из Украины, создали как прообраз нашей Киево-Могилянской академии. А еще раньше тридцать наших хорошо просвещенных монахов основали вообще первую в России школу.

– Позвольте же мне мысль закончить. Вы почему-то взъелись на наших купцов, а мы ваших людей уважаем. Порою даже слишком. В просвещенных кругах зреет уже недовольство. Дескать, малороссы заняли самые влиятельные места – от иерархов до управляющих консисториями, от воспитателей царской семьи до настоятелей монастырских, до ректоров и даже дьячков... Нигде за малороссами места не захватишь.

– Нет здесь дива. После себя вы на моей земле оставили руину, вот и спасается ученый люд, как может, ища в чужих краях заработка и применения Богом дарованному таланту.

16

– Вы редчайший собеседник: в момент перевернете все кверху дном.

– Ваша Светлость, да вы просто давно были на своей родине.

Украинский люд уже гонят с должностей, он костями ложится в болотах Петербурга. наших гетманов, даже таких наивных, как Полуботок, поверивший вашему императору и не поддержавший Мазепы, гонят в петропавловских казематах. Школы на Украине закрывают, духовную литературу печатают только по-русски. Простите мне, но у меня больше нет сил говорить об этом...

***

17

В кабинет канцлера Саксонии Флеминга князь Долгоруков вошел так стремительно, что тот, отложив перо, не сдержался, чтобы спросить:

– Что случилось, князь? Солнце не с той стороны всходит? Или турецкий султан принял христианство?

– Я уже докладывал, что у вас на государственной службе находился польский бунтовщик Мохрановский. Теперь другая новость. Под именем французского лейтенанта де Лазиски в конном полку вашей гвардии служит сын личного врага императора России, гетмана-беглеца Филиппа Орлика Григорий.

– Князь, без документов вы и меня можете объявить внебрачным сыном Папы Римского.

Долгоруков вынул какие-то бумаги и разложил их на столе перед канцлером.

– Почему? Вот списано главное из прошения самого Филиппа Орлика. Вот свидетельство того, как сын беглеца и государственного преступника дружественной вам России чудесным образом становится французским лейтенантом де Лазиски...

Князь перевел дыхание и уже не официальным тоном, а изумленно-растерянным добавил:

– А я все удивлялся, откуда этот ловкач упал?

Канцлер взял бумаги и, смешно наклонив голову, будто под углом они читаются легче, долго присматривался, скорее, принюхивался к ним.

– Так-так... Это и в самом деле чрезвычайно серьезно. Мы изучим все...

Если подозрение подтвердится, Лазиски-Орлика сразу же отдадут под арест. Когда князь Долгоруков откланялся, канцлер позвонил в колокольчик помощнику.

– Немедленно выяснить, каким образом русские ищейки роются в наших государственных архивах, будто в собственном амбаре. Виновных отдать под суд. Помощник вышел, и канцлер снова поднял колокольчик.

– Сегодня же вечером вызвать лейтенанта конного гвардейского полка де Лазиски ко мне на тайную квартиру.

Без права даже на имя

Уже на ступенях дома графини Авроры Кенигсмарк Войнаровский осмотрелся, ища взглядом свою карету среди длинного ряда таких же с

18

изыском украшенных, франтоватых, раззолоченных, бросающих во все стороны солнечные зайчики экипажей, – бедных гостей у графини не бывает. Утонченная беседа в красивом обществе, замечательное вино из венецианских краев, тихо искрящееся в бокале, несколько игриво-лукавых улыбок графини Авроры, адресованных будто бы всем гостям, а на самом деле только ему одному, а главное – удачная беседа с английским посланником Матесоном, создавали то беззаботно-благодарное расположение духа, которого он давненько уже не ведал. Слишком часто жизнь его проходила в карете между Вроцлавом и Стамбулом, Бендерами, где застрял Филипп Орлик, Веной и Стокгольмом, куда гнали его неусыпные и неотложные украинские дела.

– Остановись, если жить хочешь, – едва ступив на подножку, услышал за спиной приглушенный голос, и острый предмет уперся в бок. – Без поспешности, не вызывая подозрений, сесть в карету напротив.

Медленно оборачиваясь, Войнаровский увидел более десятка случайных людей, которые, судя по одежде, отнюдь не походили на извозчиков и прислугу гостей графини Кенигсмарк. «Шестнадцать, – насчитал. – Самому не справиться».

– Это разбой. Мы в свободном городе. По какому праву меня арестовали и кто вы? – переспросил, садясь в карету с зашторенными окнами.

– Право, сила и воля у русского императора, – услышал в ответ. – Но если без сопротивления – будешь иметь право на жизнь.

Карета долго громыхла гамбургской мостовой и тряслась, будто в лихорадке, пока не остановилась посреди тесного подворья. По своим очертаниям здание напоминало Войнаровскому русское посольство, мимо которого ему приходилось нередко проезжать. Его повели длинными бесконечными коридорами, и наконец Войнаровский оказался в небольшой сырой комнате с прокисшим до тошноты запахом плесени. Громко лязгнула металлическая задвижка, лязгнула хищно и злорадно, будто волчьи зубы перед близкой и беспомощной жертвой.

И потянулись длинные дни и ночи заключения, перелистывания страниц прожитого и пережитого, разгадывания хитросплетений грядущего.

Воспитание при гетманском дворе родного дяди Ивана Мазепы и возможность наблюдать за обычаями многочисленных гостей из всех европейских королевских дворов, штудирование наук (опять же за гетманский счет) в немецких университетах, твердая и неусыпная поддержка Мазепой природных задатков Войнаровского, помогали ему в стремительной карьере. Гетман верил племяннику и относился к нему, не имея собственных детей, как к родному сыну, и так, вероятно, готовился когда-то именно ему передать гетманскую булаву. Войнаровскому Иван Мазепа первому среди старшин доверился, открыв намерение поддержать шведского короля против захватчика-москвиты.

– Будет иметь волю Украина или ныне, или никогда, – положив руку на плечо племяннику, говорил в тот вечер Иван Мазепа, говорил тихо, не столько

19

из-за боязни чужих ушей, сколько остерегаясь показаться высокопарным. – Один Бог знает, во что нам обойдется это победоносное дело против варварства, но я иду до конца. Верю, что и ты не отступишься.

Андрей Войнаровский не отступился. Не одна бессонная ночь перед полтавским столкновением, не выдерживали кони, и он менял их одного за другим – именно Войнаровскому гетман поручил контролировать перемещение русских войск вдоль украинских границ. Английский посол в Москве Чарльз Витворт в это время пишет в Лондон обстоятельный доклад: «Здесь все считают, что главным помощником и советником гетмана является фактически его племянник Войнаровский, человек молодого возраста, весьма просвещенный и способный».

Вихрь боя под Веприком, смертельная вьюга под Гадячем... В самой гуще, где искры сыпались с сабель, где не водой, а кровью оросилось поле, где смертельная жатва устелила телами, будто снопами, обширные поля, в самой гуще-сече был Войнаровский.

– Вы – рыцарь в европейском смысле этого слова, вы – рыцарь своей козацкой нации, – скажет публично Карл XII в присутствии всей старшины – шведской и украинской. В самые трагические моменты Андрей Войнаровский выполняет роль связного между штабами шведского короля и украинского гетмана.

Фатальное невезение под Полтавой, горькая полынь катастрофы и отступление с гетманом... И скорбный миг, когда именно он, Андрей

Войнаровский, провел ладонью, закрывая глаза Ивану Мазепе, когда гетман отходил в вечность.

Отнюдь не все безоблачно складывалось у Андрея Войнаровского с новым гетманом Филиппом Орликом. Значительная часть казацкой старшины таки хотела его, Андрея, призвать к гетманской булаве, и Карл XII придерживался той же мысли, но сам Войнаровский наотрез отказывался. Однако ему, как племяннику Мазепы, досталась в наследство львиная доля сокровищ и имущества покойного гетмана.

Филипп Орлик несколько по-иному смотрел на унаследованное.

Оставленное Иваном Мазепой добро он считал публичными фондами, и оно должно было принадлежать всему козачеству. Орлик не стал опротестовывать решение специально созданной комиссии, удерживал все эмиграционные дела большей частью за собственный счет, нередко оставляя жену с дочерьми в большой нужде. Мужчина истинно гетманской высоты и безупречной чести, он не затеял с племянником покойника денежной распри, а сосредоточился на более важных делах. Лишь в письме к Карлу XII от 13 ноября 1719 года искренне сознался: «Я молчал, хотя все мое существо воина восставало против этого молчания». Такая позиция нового гетмана не расколола эмиграции, и Андрей Войнаровский вместе с другими принимает деятельное участие в написании первой украинской Конституции. И не только...

...В каменной клетке, сырой и битой плесенью, Андрей на третий день стал кашлять. Этот кашель начинался мелкими уколами. Будто иглой, он

20

пронизывал грудь изнутри и постепенно доходил до хрипа. Легкие играли старой истрепанной гармошкой, в конце концов раздувались и вот-вот могли лопнуть от неимоверно-мучительной натуги. Несколько часов кряду Войнаровского водили на допрос, и следователь льстиво все интересовался, что он делает здесь, в Гамбурге.

– Я – полковник украинского войска. И полковник шведской армии Его Величества Карла XII. Вы не имели права меня арестовывать, – на каждый вопрос монотонно отвечал Войнаровский.

А дальше снова были сырые позеленевшие стены и кашель, который разрывал грудь... На девятый день друзья подкупили доблестную неподкупную московскую охрану, и он передал письма жене.

«Моя дорогая Аня!

Должно быть, тебя уже известили о моем несчастье, а именно как арестовывал меня в Гамбурге московский резидент, в доме которого я сижу уже девятый день. По причине интервенции трех министров, а именно шведского, цесарского и французского, город не позволяет меня вывезти. Таким образом я надеюсь с Божьей помощью отвоевать еще свободу. Так что ты этим слишком не огорчайся, так как я хоть и должен был быть заключен к приезду его царского величества, но однако, смею надеяться, что он поступит со мной как справедливый господин, зная, что я никогда не впутывался в какие-либо заговоры с моим дядей. Милая моя жена, ты имеешь на руках распоряжение, которое я отдал в письме перед моим отъездом. Так что не теряй надежды, что его величество король шведский, справедливый и ласковый господин, не позволит, чтобы несправедливость сия случилась с тобою и моими детьми. Наоборот, поскольку его величество держал меня под своей высокой опекой, постольку перенесет

эту опеку также и на тебя ,и моих детей. Обязательство его королевского величества находится в руках Эреншильда, так что ты с детьми, пока я зажат в московском кулаке, должна приблизиться к нему и достать этот документ. Моя икатулка с бумагами также в добрых руках и не пропадет. Проси лишь Бога, чтобы я вышел из-под ареста, а тогда снова все пойдет на лад. Прошу передать привет всем, кто ко мне благосклонен, и уверить, что я остаюсь и т.д.

С. А. Войнаровський»

(Перевод писем семьи Войнаровских здесь и далее подается по книге Альфреда Иенсена «Семья Войнаровских в Швеции. Дополнение к истории невзгод соратников Мазепы»).

В последние годы жизнь Андрея Войнаровского казалась сплошным удовольствием. Красивый и зажиточный шляхтич путешествует себе по Европе, развлекается, гуляет и волочит за женщинами на баллах при монарших дворах Европы, будучи везде принятым в аристократических кругах. Между тем он заводит нужные знакомства, ищет и находит союзников для освобождения Украины. Самые именитые особы королевских дворов подолгу числятся в его должниках, и зажиточный дворянин деликатно не

21

напоминает отдавать одолженное, в частности и Карлу XII. Шведский король вообще все более глубже влезает в долги Войнаровскому (это кроме взятого у украинского войска через посредство Орлика). Лишь в течение 1709–1713 годов монарх набрал у него 57 800 дукатов, 60 000 цесарских талеров, 45 000 талеров Альберта. Весь Гамбург сплетничал по поводу вероятного романа Андрея с графиней Авророй Кенигсмарк. Неизвестно, бывает ли дым без огня, однако именно в изысканном салоне графини Войнаровский ближе познакомился и стал приятелем Матесона, влиятельного английского дипломата. Британия к тому времени весьма зорко и осторожно посматривала на восток, на русское нашествие в западном направлении, на экспансию в Северную Европу и угрозу всей тогдашней европейской цивилизации. Подолгу речь шла о трагедии козацкой нации. Сожженные села и истребленный люд, плоты с распятыми украинцами, плывущие в кладбищенской тишине по тихому Сейму. .

Это была своевременная информация: в британском парламенте как раз решался вопрос об отношении к России, эскадра адмирала Нориса уже вошла в Балтийское море. Петр I небезосновательно боялся, что украинцы в борьбе за волю найдут себе союзников на Западе, как и осенью 1708 года. Бесстыдно подрывая все тогдашние международные основы, Россия решила на арест Войнаровского – в случае вооруженного конфликта большой культурный европейский центр, свободный город Гамбург, не устоял бы против русского нашествия. Ибо, воюя со шведами и их польскими союзниками, русские войска дошли до Макленбурга, что не так уж и далеко от Гамбурга.

Сидя в каменном мешке, в могильной тишине, где удавалось даже слышать, как капля воды стекает по стене, Войнаровский тасовал, будто карты, события последнего времени. Только теперь он понял, какое тщательное наблюдение было за ним установлено – начиная от горничной, которой дважды чуть не разбил лоб дверью, списывая все на женское любопытство, и заканчивая подозрительными извозчиками, которые

сопровождали его, куда бы он ни ехал шумными улицами Гамбурга. Со временем лишь, во время допросов в Москве, с наглым смехом в лицо следователи расскажут и распишут ему по часам всю его гамбургскую жизнь: наняв немца Биттилера и целый штат шпионов, царские ищейки фиксировали каждый его шаг. Но и этого им показалось мало. В Гамбург прибыл целый штат офицеров под начальством особо доверенной императору персоны Александра Румянцева – он войдет в историю тем, как обманом фактически похитил царевича Алексея, чтобы потом Петр I мог собственноручно вогнать сына в гроб.

Обо всем этом Андрей Войнаровский узнает погодя. А тем временем в Гамбург царица Екатерина присылает свою гофмейстрину. Причина для глаза человеческого пристойная – найти помещение для родов беременной царицы, решившей разрешиться именно здесь. Гофмейстрина перед тем как искать хоромы, прежде всего едет к Авроре Кенигсмарк. Речь ведется отнюдь не о

22

родах. Московская гостья убеждает графиню: пускай Войнаровский сдастся на милость царя, и тот в знак доброй воли разрешит Андрею поселиться где бы то ни было в Европе.

Озабоченность царского двора была понятна. В Европе назревал громкий скандал. О диком нарушении Россией международного права немедленно докладывали своим правительствам и монаршьим дворам дипломаты Швеции и Голландии, Франции и Британии, Испании и Дании. Почти все известнейшие газеты тогдашней Европы (французская «Gazette de France», испанская «Gaceta de Madrid», английская «The Moderator Intel igencer», голландская «Gazett de Leyde», международное и чуть ли не самое популярное тогдашнее издание «La Clef du Cabinet») с удивлением и негодованием писали о беспардонном азиатском растоптании прав свободного города.

Резкий протест высказал Стокгольм, требуя освобождения Войнаровского как полковника шведской гвардии, французская дипломатия призвала придерживаться христианских ценностей (еще чего захотела...). Вена говорила о недопустимости нарушения международного права, тем паче, что цесарь был номинальным владельцем немецких земель.

Ощущая мощную поддержку всех европейских дворов, имевшую для Андрея куда больший вес, нежели императорское слово, он поступил весьма неосмотрительно. (Хотя слово давала и беременная царица, не боясь греха в такое время, и со временем сам Петр I, уверяя графиню Кенигсмарк).

5 декабря 1716 года Андрей Войнаровский соглашается на выдачу его русским властям. Русский император оказался в самом деле хозяином своего слова: как дал, так и сломал... Полковника двух армий, воина и дипломата, знакомого в Европе политэмигранта, семь лет гноили в Петропавловской крепости, а после этого еще два десятка лет «закачивали» в сибирских снегах, в Якутии. И никто не имел права даже знать настоящего имени каторжанина - еще одна азиатская «свинцовая мерзость» русского двора... Лишь случайная встреча историка и исследователя Миллера последним отголоском дойдет до цивилизованного мира, и Кондратий Рылеев напишет романтическую поэму «Войнаровский». Напишет, а через несколько лет свободолюбивейшему автору «именем императора» хотя и другого, но российского двора палач накинёт веревку на шею, и тело повиснет, вздрогнув, и закачается, как

качались повешенные украинцы, плывя по Сейму мимо пологих его берегов...
Однако трагедия семьи Войнаровских (никто не знает и во веки веков не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.